

КСЕНИЯ ГОФМАН

СИРНИ

Ксения Гофман

Сирин

«Автор»

2024

Гофман К.

Сирин / К. Гофман — «Автор», 2024

Таких, как она, называют сирин и считают проклятыми созданиями. Девы, которые могут оборачиваться могущественной птицей и зачаровывать своим голосом. Народ ее прокликает, а охотники убивают. Дарьяна не выбирала себе такой судьбы. Она родилась с этим даром, но даже родители отказались от нее. Воспитанная ведьмой-отшельницей, она не возненавидела людей, а помогает им. Девушка не может избегать своей сущности, и в один из дней это изменит ее жизнь навсегда. Ей ни раз придется оставить дом и друзей, обрести надежду и снова потерять. А еще она узнает, что такое любовь и жгучее одиночество. Будет ли Дарьяна бороться за свое счастье? Докажет ли людям, что не все сирин проклятые твари?

© Гофман К., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Сын-то мой, да ум-то свой	7
Глава 2. Горький сок полыни	14
Глава 3. Мать Сыра-земля и Государыня Вода	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ксения Гофман

Сирин

Пролог

Деревушка Лозовицы располагалась в низине и была окружена густым хвойным лесом. К ней вела лишь одна узкая дорога, встретить на ней две телеги и не разойдешься.

Приземистые избышки тесно прижимались друг к другу, разделенные пыльной однопутной да оградой из жидкого штакетника. На дворе стояла поздняя осень, из печных труб валил густой темный дым, а из маленьких мутных окошек лился желтый свет.

Девушка, одетая не по погоде, крадась меж домов, желая остаться незамеченной деревенскими бабами.

Она прошла до края деревни, обогнула дом старосты и углубилась в густой темный лес. Прислушиваясь к шорохам вокруг, она вертела головой по сторонам. Старые хвойные великаны, подсвеченные луной, словно ожили и тянули к ней мохнатые лапы. Дрожа от страха и отодвигая тяжелые ветки, девушка пробиралась вглубь леса, пока не разглядела поросшую влажным мхом, покосившуюся избышку.

Словно во сне, она подкралась к единственному окошку и, как учила ее баб Ньюра, дрожащей рукой тукнула два раза. Глухой звук отскочил от окна и прокатился до самой реки. За мутным стеклом мелькнула скрюченная тень. От холода, а может от страха, девушку пробил дрожь, зубы пошли мелкой дробью.

Из-за вросшей в землю двери раздался скрипучий старческий голос:

– Кто там?

– Здравити, бабушка. Это Прося, – девушка пыталась не выдать охвативший ее ужас. – Меня мачеха к вам послала. Трошка, братик мой, разболелся. Кашляет маленький, что есть мочи, кушать как два дня перестал. Потом обливается, глаз не открывает. Я и молитвы обережные читала, и печь докрасна растапливала, водой со дня Овилы обтирала, а все без толку.

– Кашляет без крови? – остановил всхлипы девушки все тот же скрипучий голос. Старуха явно была недовольна, что ее потревожили.

– Без, – закивала посиневшая от холода девушка.

– Жди, – через мгновенье дверь с противным скрипом открылась, и маленькая, закутанная в старые обноски рука протянула небольшую, плотно запечатанную воском склянку. – Намажешь перед сном грудь и спину мальцу. А как в себя придет, напои отваром из ромашки и жимолости. Жимолость с ромашкой, поди, есть?

Девушка кивнула, но, вспомнив, что старуха ее не видит, хриплым голосом подтвердила.

– Только меду добавь, отвар горький. Утром здоровый проснется, – дверь пропела свою скрипучую песнь.

– Спасибо, – кланяясь до земли перед закрытой дверью, тараторила девушка, косясь на дремучий лес. Обратная дорога страшила напуганное деревенскими байками девичье воображение. – И от Трошки спасибо, и от мачехи с батюшкой.

Поговаривали, что от дома старухи раздается пронзительный детский плач. Ведьма похищает младенцев, купается в их крови, а косточки молотит в мелкую пыль да втирает в дряхлое тело.

– Прося! – окликнула удаляющуюся девушку старуха.

Бедняжка от неожиданности подпрыгнула, чуть не выронив драгоценную склянку.

– Мачехе своей передай: еще раз тебя на холод собачий в этих обносках выгонит, помогать ей не стану. Ни ей, ни сынкам ейным, – прокряхтела старуха. – Лечи вас всех потом. Поняла?

– Так как же я? И мачехе такое? – испуганно залепетала девушка, выпучив свои большие оленьи глаза на покосившуюся избу.

– Так и скажешь! – коротко заключила ведьма и захлопнула дверь.

Девушка кинулась обратно к деревне, прижимая к груди целебную мазь. Она слышала, как за спиной стонут и скрипят вековые деревья. Но ее уже не так пугали их разговоры и деревенские байки, как веление ведьмы. Она боялась мачехи больше всех на свете, а потому не то что перечить, взглянуть на нее, страшилась. После таких слов женщина точно отправит ночевать на мороз, еще и выпорот в придачу. Батюшка молодой жене не перечил, а потому за Просю заступиться было некому.

Девушка покрепче обхватила склянку и, глотая крупные соленые слезы, побежала домой, пригибаясь под еловыми ветками, нарывающими схватить за платок.

Дождавшись первых лучей солнца, старуха изнутри подперла дверь тяжелым кованым сундуком, распрямила скрюченную спину и по-хозяйски огляделась по сторонам. Маленькая комната, заставленная склянками и горшками, из ночи в ночь оберегала одной только ей известную тайну.

Старые обноски полетели на пол, и вот уже не горбатая старуха, а молодая девица в некрашеном льняном сарафане оглядывается по сторонам. Схватив выстиранное полотенце с покосившейся, как и вся изба, полки, по низким скрипучим ступеням она спустилась в погреб. Вжав голову в плечи, на четвереньках она проползла к потайной дверце и, как была, в одном платье, выбралась по узкому ходу из избы. Простому люду было бы зябко, но только не ей. Народ уже нехотя высовывался из натопленных изб, накинув теплые фуфайки. Но она была другой. Не чувствуя холода поздней осени и остывшей реки, она бегала купаться каждое утро.

Лес встретил чуткий слух девицы птичьим пением, шуршанием полевков и стуком дятла. Макушки деревьев, поддаваясь легкому ветру, тихо шелестели. Девица, привычно перескакивая с корня на корень, чтобы не оставлять следов от избы, вышла на скрытый от чужих глаз берег реки Лагузки. Быстро сбросив одежду и расплетя пшеничную кожу, она рыбкой шмыгнула в воду.

Над рекой разлился искрящийся теплый свет. И вот уже не юная девица, а прекрасная ширококрылая птицы вынырнула из-под толщи изумрудной воды. Только вот головка осталась девичьей.

Птица поднялась высоко над водой, покружилась меж деревьев, не касаясь макушек, и, стряхнув капли воды на землю, плавно опустилась на толстую ветку плакучей ивы.

Коричневые перья, покрывающее тело диковинного создания, янтарем переливались на солнце, разливались лазурными искрами по груди и бокам.

Издали не различишь, девица сидит на ветке или огромная птица. Пшеничные волосы рассыпались по груди и спине, закрывая большую часть обнаженного тела. Голые плечи обдувало прохладным ветром. Девушка раскинула крылья, покрытые длинными перьями и переходящие в руки, отдала и завернула волосы в тугий узел.

Птица еще немного погрелась на теплом утреннем солнышке, подставляя то один, то второй пернатый бок, оттолкнулась от ветки цепкими лапами и приземлилась на траву девицей. Она прошлась частым гребнем по волосам, накинула льняную одежду и, подобрав подол, припустила в деревню.

Глава 1. Сын-то мой, да ум-то свой

*Вот крылом бы взмахнуть – и в небо.
А в душе, в волосах лето.*

*Чтобы ветер трепал косы.
А в глазах лишь от счастья слезы.*

*Солнца свет озарил рощу.
Свысока ведь глядеть проще.*

*Вот крылом бы взмахнуть – и в небо,
Улететь за мечтой слепо.*

– Дарьянка, ты опять задержалась! Служанка из тебя не годная. Вот пожалуюсь на тебя старому Баяну – миг выгонит и на хорошенькую заплаканную мордашку не посмотрит! Пойдешь под солнцепеком скот пасти да зимой лопатой по хлеву скрести! Вот тогда-то я на тебя посмотрю! Будешь знать, как опаздывать! И что это на тебе надето? Померзнуть решила, девка? – завела свою обычную утреннюю песнь тетка Матрена.

– Батюшке помогала, – привычно соврала Дарьяна, прерывая брань женщины. Она натянула болтающуюся на вешалки старую фуфайку, сунула ноги в заношенные до дыр сапоги хозяйской жёнки и, подхватив коромысло, побежала к колодцу, во всю ширь улыбаясь яркому солнцу.

Чему девка радовалась, Матрена понять не могла. Утро как утро: солнце да легкий морозец. А может, колодцу радуется, что в прошлом месяце Баян вырыть велел, и теперь не приходится отстаивать поутру длинную очередь за студеной водой со всей деревней? Леший его знает, этих молодых, поди разбери.

Дарьяна привычно закинула ведро, ловко раскрутила и закрутила ворот и, наполнив до краев ведра ледяной водой, побежала в избу.

Изба у Баяна, что ни говори, была хороша. Два этажа, да по шесть комнат на каждом. Больше дома Дарьяне видеть не приходилось. Она вообще, кроме Лозовиц, нигде не была, но знала, что даже в соседних деревеньках судачили: не дом у старого Баяна, а терем княжеский. Девушка тоже восхищалась окружающей роскоши: лавки застелены овечьими шкурами, печь зимой не угасает, а свечей в кладовой не счесть. Одна просторная кухня с огромным деревянным столом посреди комнаты чего только стоит, а высокие деревянные шкафы со стеклянными дверцами брякают диковиной посудой! Не деревянными плашками и ложками, а такими, что уронишь и осколков не сосчитаешь. Избушка девушки ни в какое сравнение даже с растопочной не шла, да и другие избы в деревне сильно уступали.

– Ночью Митяй прибыл. Лохань поутру велел ему наполнить, – примирительно буркнула Матрена девице.

Ведра от поднявшегося в груди негодования так и выскользнули из рук Дарьяны, чуть не расплескав холодную воду на пол и ноги.

– А чего это мне велено? За помывку у нас Горь отвечает! – словно молодой теленок, заупрямилась девушка.

– Горь в стада с вечера уехал, вот тебе Митяй и велел, – резко ответила тучная женщина и, хлопнув дверью, ушла в кладовую.

Дарьяна подняла тяжелые ведра, перелила в чугунный котел на разогретой печи и снова побежала к колодцу.

Вот уж как пять лет Дарьяна работала у Баяна служанкой. Как исполнилось ей двенадцать, отправила бабушка работу в деревне поискать.

Тетка Матрена давно старому Баяну жаловалась: “Работы много, а рук не хватает.”

Он и взял её в подмогу худенькую девчущку, лишь бы та канючить перестала, рассудив: “Он подмогу ей дал? Дал. К тому же девчонке много платы не положено. Накормить, одежи кое-какой дать, да хватит с неё. А что не справится девка, так пусть работает проворнее, глядишь, и поспеет.”

Матрена для вида ртом кривила, да с хозяином спорить не стала, решив, что уж лучше так, чем совсем без подмоги. Попробуй тут управься: в доме прибери, хозяев накорми, белье постирай, да еще про ораву скотников, работничков Баяна не забудь. Им и с собой еды собери, и ужин поплотнее состряпай.

А девчущка хоть и маленькой была, да шустрой и выносливой оказалась. Работы много, да деваться некуда было. Баян в деревне самым зажиточным был, да и сейчас остается. На хозяйстве у него целых двадцать людей ходят, за стадами смотрят. А Баян с женой только в город скотину гоняют да на ярмарках выставляют. Детей вырастили, всех в город учиться торговле отправили.

Митяй средним был, старше Дарьяны на три года. Этой зимой только двадцатилетие справили. Редко домой приезжал, больше город любил. Как уехал четыре лета назад учиться да на ярмарках помогать, так толком и не заглядывал. А как той весной вернулся, увидел девушку, да не сразу глаз смог отвести. Коса длинная, щеки румяные и фигура вся ладная, точно стебель первоцвета. Как улыбнется, так на душе все встрепенется, расцветет. По хозяйству шуршит и не устает. Проворная девушка и красивая.

Ходил кругами, в глаза украдкой заглядывал, а заговорить не решался.

Дарьяна видела взгляды парня и краснела, точно рябина по зиме. Красивый Митяй, говорит с людьми складно и правильно, не чета деревенским парням. Те в работе проворные, а этот грамоте выучен, руки мягкие, не мозолистые. Не одна Дарьяна на него взгляды бросала. Все девчонки в деревне по нему вздыхали, завидя размашистую неторопливую походку и дюжие плечи.

А Митяевские взгляды Дарьяне льстили, да понять она до конца их не могла. Не привыкшая она к мужскому вниманию, и растолковать некому. Ни отца, ни брата, ни дядьки двоюродного – никого не было у девчонки. Бабушку не спросишь, хоть и не обругает, а стыдно как-то. Матери она никогда не знала. С пеленок ее одна бабка воспитывала, да не родная ей была и не скрывала. Да и как тут скроешь, когда: то девица ты, то птица. Но любила девочку, как и родные, бывало, не могут.

Рассказывала бабушка, как подбросили под двери ей, старой ведьме, замотанную в одни лохмотья крохотную девчущку. Старуха приютила, обогрела. Первое время надеялась, что одумаются и вернуться. Да никто не пришел ни на этот год, ни в последующие. А после и поняла, почему не заявляются, когда силу немалую разглядела. Так Дарьяна на воспитание у ведьмы и осталась.

Дарьяна смутно помнила свое первое обращение. Шесть лет отроду, легкие редкие перышки и яркое голубое небо – вот что осталось в памяти. Бежит она по солнечному лугу, устремив руки к небу, а вот уже летит, и внутри тепло и хорошо. Обомлела даже старая ведьма, немало на своем веку повидавшая. Не ожидала от внучки такого сюрприза. Силу то не малую разглядела, да только природа у нее вон какая диковинная оказалась.

Про таких, как Дарьяна, ходило много слухов. И все они были не радостными. Одним голосом она может свести с ума, навязать свою волю, повернуть реки вспять. Стоило ребенку родиться с даром, как всю семью немедленно казнили, не позабыв про самых дальних родственников, чтобы подчистую извести не простую кровь. Не жалели ни детей, ни стариков.

Всех возводили на огромный костер. Таких, как она, называли сирин, полуженщина, полуптица. Страшнее них свет не знал чудовищ.

Ведьма людским слухам не верила. Дай волю, они и её, ведьму безвредную, на костер сведут. Потому прятала девочку в лесу. Так Дарьяна у нее и росла. Сама ведьма даже по магическим меркам, а они уж подлиннее человеческих будут, не молода была. Прикипела она к девчужке, переживала о будущем. Вот сляжет, и кто за девочкой присмотрит? Кто уму разуму научит и от беды уберезет? Вот на тринадцатом году и отправила в деревню.

Для всех деревенских Дарьяна была дочкой охотника. Мать умерла, когда она была еще в колыбели, от лап медведя. Отец в Лозовицы не заходил, охотился и добычу по соседним деревням продавал. Там за нее давали больше, и покупатели завелись постоянные. Девчужку сильно никто не расспрашивал, узнали, что хотели, и по деревне в тот же день разнесли. Баян принял на службу и тут же забыл. А Матрена поболтать не любила, только приказы отдавала да замечания сыпала, словно воспитывала. Так Дарьяна и работала в деревне уже пятый год.

Когда воды в чан было налито до краев, Дарьяна вымыла руки, присыпала старый дубовый стол мукой и принялась месить подошедшее тесто. Работа была нелегкая, но девушка шустро раскатывала большие лепешки и раскидывала на противень. Следом она уложила картошку, морковь, лук и баранину, прикрыв все сверху тонким листом теста. Пироги один за другим отправились в печь ровно к тому моменту, как закипела вода в чане.

Стараясь не обжечься, Дарьяна набрала полные ведра горячей воды железным ковшом и наполнила деревянное корыто в соседней от спальни Митяя комнате. От воды поднимался пар, и девушка мечтала хоть на пол лучины погрузиться в приятную воду. В теплые дни она купалась в реке, а в холодную пору Баян разрешал растапливать слугам баню, где все друг за дружкой мылись в старых тазах, до скрипа натираясь колючей мочалкой и пихтовым мылом, которое девушка варила для всех.

– Дарьяна, не ожидал тебя здесь увидеть, – на лице парня разлилась приторно сладкая улыбка. Он вошел в комнату и медленно затворил дверь. – Приятный сюрприз.

– Вы сами велели мне приготовить воду, – не желая участвовать в разыгрываемом представлении, равнодушно ответила девица, игнорируя его показное радушие. Запертая с парнем в одной комнате, Дарьяна отчего-то почувствовала себя неуютно.

– Подловила, – Митяй изобразил показное раскаяние и улыбнулся шире, обнажая ямочки на щеках.

Не искушенное девичье сердце пропустило удар, а затем, словно желая его восполнить, застучало с новой силой.

Митяй подошел к Дарьяне и положил большую ладонь на плечо. Кожу обдало жаром, румянец прилип к щекам.

– Прости, я совсем не хотел тебя пугать, – убирая руку, нагло врал с невинной улыбкой на лице Митяй. – Знаешь, на самом деле я хотел поговорить, поэтому и велел натаскать воды.

Девушке стоило лишь на миг заглянуть в глубокие гранитные глаза с легким прищуром, обвести правильные черты лица и чуть кривоватую улыбку, чтобы голос парня стал смелее.

– Я слушаю Вас, – одернув себя от разглядывания и потупив взгляд в пол, как учила тетка Матрена, пробубнила Дарьяна.

– Давай обойдемся без этого чужого вы? Обращайся ко мне просто на ты. Договорились? – юноша, заставляя посмотреть себе в глаза, приподнял подбородок девушки. Его пальцы были мягкими, но само прикосновение жестким, не терпящим неподчинения. Серьезный прямой взгляд Дарьяны стер улыбку с его лица. Но он тут же взял себя в руки, обнажив белоснежные зубы.

– Я хотел познакомиться с тобой лично, – на последнем слове парень сделал ударение. – Впрочем, как и со всеми остальными слугами. Отец хочет передать управление домом в мои руки, пока они с матушкой уедут по делам в Лютейный город.

Митяй внимательно наблюдал за девушкой, стараясь отследить реакцию на его слова и подобрать нужный ключик.

– Ты знаешь что-нибудь о Лютейном?

Дарьяна отрицательно покачала головой, не желая продолжать разговор. Уж в том, что он заговаривает ей зубы, она не сомневалась. Может, она и была несведущей в любовных делах, но уж точно не душой.

– Ооо, тебе бы там понравилось. Огромный город с каменными мостами, трехэтажными особняками, а на горизонте – бескрайнее Нефритовое море. На севере Лютейный граничит с Великими холмами, чьи торговцы караванами везут рыжие шкуры двугорбых верблюдов, ларцы, полные драгоценных камней и стеклянных безделушек.

Не бывавшую дальше соседних лесов Дарьяну невольно увлек рассказ о далеких землях и невиданных диковинках. На миг она попыталась представить животные с горбами. Какие на ощупь их шкуры? Мягкие, точно овечья шерсть, или жесткие, словно лошадиный хвост? А море? Она всегда мечтала его увидеть, как только услышала бабушки рассказы.

– О чем это я? – Митяй успел разглядеть зажегшийся огонек любопытства в девичьих глазах. Он прервал свой рассказ, заправляя Дарьяне за ухо прядь выбившихся пшеничных волос, и задумался. Пару прядок всегда вились и вылезали из косы, что изрядно раздражало девушку. Но еще больше сейчас ее раздражала его близость.

“Отец оставляет тебя за главного, пока едет в Лютейный город. И ты по какой-то причине позвал меня, простую служанку, сообщить эту волнующую новость.”

– Понимаешь, к чему я веду? – прервал затянувшееся молчание юноша.

Девушка догадывалась и изо всех сил сдерживалась, чтобы не прошептать одно из заклинаний прямо в его хорошенькое лицо. Она выжидающе скрестила на груди руки, гадая, что он делает дальше.

Деревенские парни не раз обращали на Дарьяну внимание. Она была хороша собой и улыбкой отвечала на доброе слово. Они нередко косили взгляды, приветливо махали, но вот развязных намеков или непрошенных прикосновений не позволяли. Может, отца охотника боялись, а может, острого девичьего языка? Ни в чьих руках она не чувствовала себя чьей-то собственностью, хоть и работала служанкой и сейчас не желала. Девушка снова pokrutila головой, надеясь, что он сочтет ее дурехой и поскорее отпустит.

– Что все твои старания могут быть вознаграждены, глупышка. Я знаю, как много ты работала, какой усердной была, и я не оставляю это незамеченным. Конечно, если и при мне ты будешь стараться не хуже. Мой отец платит тебе сущие крохи. Я же могу одеть тебя в лучшие меха и отплатить серебром. Ты хочешь серебра, Дарьяна? – юноша заглядывал в глаза, стараясь за прямым взглядом рассмотреть покорность, жадность или безысходность. Надеясь угадать ее потайное желание, что отзовется жадным блеском на его предложение. Но глаза у девушки блестели только от злости. Простое четверостишие крутилось в голове, просясь на язык, но девушка не позволяла ему обрести силу.

– Дарьянка, ты чего копаешься? Пироги подгорят! – толкая прикрытую дверь широкими бедрами, окликнула девушку Матрена, внося свежую стопку полотенец. – Доброе утро, хозяин.

Служанка, словно только сейчас заметила Митяя, потупила глаза в пол и сложила руки на старом переднике.

– Не знала, что вы уже встали.

Дарьяна скривилась нелепой притворной покорности взрослой женщины перед напыщенным самовлюбленным мальчишкой, возмнившем себя вершителем судеб. Но все же она была благодарна Матрене. Полотенец на тумбе и так было предостаточно.

Парень нехотя убрал руку с лица девушки. Дарьяна выскользнула из помывочной, ощущая себя липкой и грязной в тех местах, где к ней прикасался Митяй.

“Может, все же насрать на него пакостника? Физического вреда практически нет, зато украденные прямо из-под носа вещи весь день искать будет!” – кипела от злости девушка, точно чайник на плите, ругая наглого хозяйского сына.

Дарьяна ополоснула лицо прохладной водой, смывая остатки злости, насухо вытерлась застиранным полотенцем, пахнущим крапивой, и побежала доставать пироги из печи, пока те не превратились в угли.

Весь день, как обычно, девушка хлопотала по хозяйству, но сегодня старалась не попадаться никому на глаза, а в особенности Митяю. Липкий ужас холодными мурашками бегал по коже, стоило вспомнить ласковую улыбку, милые ямочки на щеках и ледяные глаза парня. Злость прошла, уступив место страху. Что бы было, не побеспокой их Матрена?

Дарьяна знала, что может пожаловаться на Митяю хозяину. Тот сына не накажет, но к девушке точно не подпустит. Старый Баян был жадным, порой грубым, но слугам распутничать не позволял. Хотите встречаться, пожалуйста, только за стенами его дома. И если уж девушка по незнанию или глупости своей понесет, то правдами и неправдами заставлял мужика на ней жениться. Но поступит ли он точно также со своим сыном или просто прогонит глупую девочку, Дарьяна не знала, а потому просто пыталась избегать встреч, надеясь, что Митяй правильно ее поймет и не станет искать повода.

Дарьяна раньше обычно управилась с работой и, собираясь домой, сложила в плетеную корзинку масло, овощи и пол буханки свежего хлеба. Дома ее ждала картофельная похлебка и ароматный взвар с чабрецом.

– Дарьянка, ты бы завтра взяла выходной. Трудисься без продыху. Молодая, тебе еще дитятко рожать, а ты все жужжишь. Отцу, поди, дома помощь нужна, время запасливое. Грибов набрать да шишек пора, – начала перечислять уйму дел тетка Матрена, что из года в год делала Дарьяна, но выходной ни разу не брала. – Да ни один пойдти у Баяна попроси, а лучше седмицу.

Никогда от кухарки она не слышала ничего подобного. Предложение тревожным стуком отозвалось в груди.

– Баян завтра с женой на седмицу уедут. Пастухи всю неделю в поле ночевать будут, а Митяй за главного, – будто невзначай добавила Матрена. – Работы поубавиться. Я и без тебя справлюсь.

Тело девушки словно одеревенело и сделалось непослушным. Она закончила мести пол и, повесив передник на ржавый гвоздь, решила послушать женщину.

“Не врал Митяй, Баян и правда уехажет. Вот чего ходит кругами, да смотрит жадно, а подойти пока не решается. Точно зверь какой.”

Матрена была не молода, но и до старух ей тоже было далеко. Немало она в своей жизни повидала. Как сестру родную любовь сгубила. Баян тогда сам был еще мальчишкой и со своим братом жил в этой деревне. Брат был красавец, точь-в-точь Митяй. Бегал он все за сестрой Матрены. Видно, запудрил голову бедной девушке. Обещал и сватов отправить, и дом большой, и детей ораву. Да только стоило вырасти животу у сестры, как сдулся жених. Негоже было, чтобы такой завидный жених хоть на красивой, да бедной девушке женился, рассудили деревенские. Отец Баяна быстро сына в другие края отправил. А сестра упертая была, замуж ни за кого не пошла, как Матрена ее не уговаривала. Матрена сама к Баяну пойти грозилась, если сестра не хочет. Да только одно та твердила: не брата Баяновского это ребенок, не его. А вот чей, как в рот воды набрала.

Схватки начались раньше срока, тяжелая работа дала о себе знать. Даже сама ведьма с леса приходила, да ничем помочь не смогла.

Зареклась тогда Матрена никогда дело с мужиками не иметь. Так и проходила всю жизнь в девках. А деревенские до сих пор эту историю в назидание своим дочкам рассказывают.

– Завтра мужики за коровой приедут, отдашь пятнистую, что в стадо не угнали. Скотина хорошая, молочная, – оставляя ценные поручения Баян. – К пастухам в поле на третий день езжай, да посмотри, чтоб не напились и скотину не растеряли.

Баян заканчивал передавать дела по хозяйству сыну, когда раздался глухой короткий стук.

– Войди, – велел Митяй. Да по-хозяйски, словно не с завтрашнего дня, а всю жизнь в родительском доме на месте отца просидел.

Дарьяна так и замерла у закрытой двери кабинета, не решаясь опустить руку и войти. Сталкиваясь с Митяем даже в присутствии Баяна ей совершенно не хотелось. Девушка уже развернулась, намереваясь уйти, но дверь резким толчком отворили изнутри.

– Дарьяна, – по лицу парня разлилась елейная улыбка. – Ты к отцу или ко мне?

– К батюшке вашему, – уточнила девушка, облегченно вздыхая, увидев Баяна.

– Проходи, девочка. Нечего в дверях стоять. Да говори быстрее, чего надо. Дел до отъезда невпроворот, – Баян косо поглядывал то на сына, внезапно расплывшегося в добродушной улыбке, но на настороженную девчонку. Девушка неуверенно переминалась с ноги на ногу, уперев глаза в пол, точно заяц под лисьим взглядом. – Оставь нас.

Митяй нехотя вышел за дверь, бросив на Дарьяну хищный взгляд.

– Хозяин, батюшка захворал, ногу на охоте повредил. Помощь моя нужна. Говорит, сам не управится, – ложь за столько лет слетала с языка легко, а стоило припомнить Митяя, так прямо ручьем политься была готова.

Бабушка с детства ей повторяла: хочешь жизни спокойной, научись лжистройной. А коли хочешь беды, за языком не следи. Это, моя дорогая, самая верная мудрость тебе на долгие годы.

– Отпустите меня на седмицу. Матрена сказала, вы с женой в отъезде будете, пастухи, пока погода стоит, на пастбищах. Она и без меня управится. А как приду, шишек принесу, – тараторила девица, видя сомнения хозяина.

– Шишек и без тебя принесут, так иди, – отмахнулся от нее мужчина, рассудив, что ленивой девка никогда не была, да работу делала добротной. А еще насторожил Баяна сынок его. Ох, не к добру его ужимки и улыбки.

Девушка радостная выскочила в коридор и устремила по узкому проходу, представляя, как заберет свою корзину и окажется в маленьком уютном домике, подальше от Митяя и ворчливой Матрены. Целую неделю она будет изучать старые ведьмовские книги, собирать травы и ягоды для новых мазей и настоек. Последний раз такие длинные выходные у нее были три зимы назад, когда снега намело по самые окна, и Баян велел не таскаться по глубоким сугробам туда-сюда, пока метель не уляжется окончательно. Четыре дня Дарьяна не выходила из теплой избы. Они с бабушкой пекла тыквенные пироги и крепко спала по ночам, не ожидая деревенских. По такой погоде только дурак в гущу леса сунется.

Стоило углубиться в радостные мысли, как Митяй не заставил себя долго ждать. Он с довольной, словно кот, объевшийся сметаны, улыбкой на губах, выскочил из-за угла, и напуганная Дарьяна отпрянула к стене. Парень ждал, пока девушка закончит разговор с Баяном, и наслаждался ее растерянностью.

Дарьяна напряглась, готовая к колким словам или непрошеному прикосновению.

“Вот зараза! – выругалась она. – Так и напрашивается!” – но спешно себя одернула. Стоит раз ошибиться, и всю жизнь ведьмой кликать будут. А это ей было без надобности.

Парень подошел ближе, заставив девушку вплотную прижаться к стене. Нависая, он упер руки в стену, покрытую бархатной зеленой тканью. У Дарьяны не получалось ни уклониться,

ни протиснуться в тесном кольце рук. Сердце застучало с бешеной скоростью, холодный пот выступил на спине и ладонях.

– Как своевременно у тебя батюшка заболел, – ухмыльнулся Митяй одним уголком губ. – Не по нраву тебе мое предложение пришлось? Может, не красив я для тебя?

– Красив, – сглотнула образовавшийся ком в горле Дарьяна, разглядев в глазах Митяя недобрый блеск.

– Недостаточно богат? – сильнее напирал парень.

– Достаточно, – сильным голосом прошептала девушка. Его взгляд пугал, хоть Дарьяна была не из робкого десятка. В глазах читалась не пакость, виделись лютая злость и желание владеть.

– Чем же мое предложение тебе не приглянулось? – хищно следил за взглядом и пресекал каждое мимолетное движение девушки Митяй.

– Ничем. Отец покалечился. Помочь нужно. Пора сейчас запасливая, заготовок не делаю, так всю зиму впроголодь жить, – на одном дыхании выпалила Дарьяна.

– Так прими мое предложение, и мед с пряниками есть будешь, хлебным квасом запивая, – обдал горьким, точно полынный сок, дыханием парень.

“Волосы волной вьются, глаза льдом сияют, а когда улыбается, солнышко проглядывает. Точно яблочко наливное, с сердцевиной, червем изъеденной”, – поражалась Дарьяна.

– Так все вместе не вкусно, можно и с животом слечь, – тянула время девушка, надеясь на чудо или какую-другую подмогу.

Послышалась возня у кабинета. Баян, не дождавшись сына, пытался вставить ключ в заржавевший замок. Дарьяна воспользовалась моментом и прошмыгнула под рукой Митяя. Парень, словно цепной пес, лязгнул зубами. Но девушка уже во всю прыть бежала в сторону леса мимо озадаченной Матрены, забыв и про свою корзину, и про фуфайку с сапогами.

Оказавшись дома, оставленную корзину стало все же жалко. Но не стоила еще одна встреча с Митяем сытого живота. А уж печеная картошка в своей избе казалась Дарьяне в сто раз вкуснее меда с пряниками под боком у парня.

– Может, хоть почесун на него насрать? – думала девушка, но, вспомнив грозный взгляд бабушки, не стала.

– Пусть живет, скоро в свой город уедет и поминай, как звали.

Глава 2. Горький сок полыни

На деревню опустилась непроглядная темень, какая бывает, когда небо заволочут тяжелые снеговые тучи, что лучику света не пробиться. Ночи стали холоднее. Сверчки не заводили свою обычную песню, лишь изредка стрекача в кустах. Матрена закончила мести пол на кухне, сгребла корзину непутевой девчонки, подивившись, что та за ней не вернулась.

“Суматошная, точно ветер в поле, неугомонная. Весь день как волчок, а по сторонам оглянуться некогда. Сколько раз одергивала, сапоги да шубу надеть. Люди ж не слепые, заметят, что не мерзнет. И в лес свой неосторожно бегают по тропке ведьминой,” – ругала про себя девушку Матрена.

Она доложила в корзину банку черничного варенья, шматок сала и пару красных яблок. Тетка пошла задними дворами к лесу, пугливо озираясь по сторонам, хоть в такую ночь самый глазастый дальше двора ничего не разглядит. Мерный шорох шагов нарушал лишь редкий лай собак да гул застрявшего в макушках сосен ветра.

В деревне все знали, где ведьму искать, да вслух сказать боялись. Не дай боги увидят на пути к нечистой, так лучше помереть на месте, чем себя выдать. Но не было в деревне дома, который не обращался к ней за помощью. Все знали: ведьма от любой беды уберезет своими травками да склянками, только вот от смерти не спасет, тут не в ее власти. Помнила и сама Матрена, как сестру спасти порывалась, когда та дитячко понесла, да не получилось. Горький ком из воспоминаний встал посередине горла, мешая глубоко вздохнуть.

В покосившуюся дверь коротко постучали. С наступлением темноты Дарьяна привычно накинула старый бабушкин балахон. Днем деревенские не суются, а вот с наступлением ночи бегут, точно муравьи на сахар.

– Кто там? – Дарьяна подождала, но ответа не последовало, только шелест удаляющихся шагов.

Девушка несмело отворила скрипучую дверь, взгляделась в темный лес, высматривая среди деревьев неясную тень. Глазами не разглядела, магию отпустила, да ощутила, что с леса следит за ней пара очей. Тяжелая корзина, оставленная на пороге, накренилась. По полу со стуком покатилося красное яблочко. Сгорбившись и притворно хромя на правую ногу, девушка затащила нежданный гостинец в избу и плотно затворила дверь.

Краюха хлеба, мытые овощи и кусок масла, что она приготовила в надежде забрать домой. Липкий пот выступил на руках. Девушка метнулась к окну, боясь, что корзина – подарок Митяя. Парень мог за ней и проследить, пока дуреха в страхе уносила ноги. Снова призвала Дарьяна магию в помощь, но лес был пуст. Только полевки копошились в старой хвое, да совы проснулись и высматривали среди лесной подстилки добычу.

Уняв бешеное сердцебиение, девушка еще раз осмотрела свои подарки.

– А вот варенье, сало и яблоки не собирала. И хлеба вроде меньше отрезала, а морковки не три, а две было. Корзин таких, поди, по деревне сосчитай, до утра не управишься, – успокаивала себя Дарьяна.

По стеклу застучали крупные капли дождя. Значит, посетителей можно не ждать. Девушка повесила балахон на ржавый гвоздь, обернулась в колючее шерстяное одеяло и уставилась в мутное стекло, размышляя о хозяйском сыне. В комнате сделалось сыро и темно. Дарьяна заложила хвойные дрова в старую, но хорошо сложенную печь. Поленья быстро занялись и с хрустом разносили смоляной аромат на всю избу. Дым черной струйкой убегал в небо.

Девушка сняла с печи котелок с кипятком, заварила ароматный взвар из мяты и кипрея и, расположившись на потертой овечьей шкуре перед открытой заслонкой, принялась листать толстую бабушкину книгу.

– Ага, этот осторожный я уже знаю, а вот этот на удачу что-то подзабыла, – бережно перелистывала хрупкие пожелтевшие страницы Дарьяна, вгрызаясь в сочное яблоко. – А вот это Митяю в самый раз будет. Пусть только еще раз сунется.

От ведьмовского фолианта ее отвлек царапающий звук. Девушка отложила книгу, пытаясь определить его источник. Крадучась, она спустилась в подпол и приложила ухо к потайной дверце. Звук усилился. С наружной стороны кто-то старательно царапал старые деревянные доски. Дарьяна осторожно приоткрыла дверь, боясь спугнуть лису или мышь. Вместе со сквозняком в комнату просочилась маленькая черная кошка.

– Царапка! – обрадовалась любимице девушка. – Давно тебя не было, негодница ты такая! Что это там у тебя?

Маленький мохнатый комочек потянулся и, сладко зевая, открыл розовый ротик. Кошка оставила свой приплод и скрылась за дверью. Через мгновение она снова появилась, таща в зубах еще одного котенка. Да такого белого, что окажись на снегу, не различишь.

– Ах, вот чего домой прибежала! – умилилась девушка пищащим комочком. – Всех занесла или еще побежишь?

Кошка тщательно вылизала обоих котят, подцепила за загривок черныша и понесла наверх, в избу. Дарьяна подперла дверцу бочкой и, взяв в руки белого пушистика, последовала за мамкой.

Свободную от продуктов плетеную корзину девушка застелила старым одеялом и, придвинув к теплой печи, уложила в нее котят. На вид крохотным существам было не больше месяца.

– Ты у нас будешь Пушинка, – придумывала имена новым жильцам Дарьяна. – А нет, все же Пушистик. – звонкий девичий смех колокольчиком разнесся по маленькой комнате, утопая в толстых бревенчатых стенах.

– А тебя я буду звать Ночь. Ты такая же темная, как зимнее небо, только глазки блестят, точно звездочки. Как тебе, Царапка, нравятся имена? Пушистик и Ночь?

Кошка одобрительно заурчала, подставляя черные уши.

– Завтра схожу в деревню за молоком, – тяжело вздохнула девушка. – Огородами пробегу, глядишь, и не заметит.

Тонкие ребра выпирали из под полинявшей шерстки. Котята росли, и кормить кошке становилось все тяжелее.

Печь потрескивала, отдавая свое тепло дому. Дарьяна замоталась в шерстяное одеяло, больше для уюта, чем для тепла, и, свернувшись клубком на овечьей шкуре у корзины с котятами, уснула.

Ночью пришли первые заморозки, и утро выдалось колючим. Девушка привыкла купаться в реке, пока тонкий слой льда не закроет бегущую воду. Но, проворочившись всю ночь в тревожных снах, сегодня не пошла.

Сила тревожным клубком вертелась и жгла, но Дарьяна привычно отбросила ее зов в сторону. Котята требовательно пищали и растягивали кошке соски. Не получая желаемого, они пробовали выбраться из корзины, но перелезть высокие бортики у них пока не получалось.

Девушка окинула покосившийся потолок взглядом, ища подвешенный на гвоздь бидон. Она накинула на плечи пуховый платок женки Баяна и ее же старые сапоги и огородами побежала в деревню.

Изба баб Нюры стояла на самом краю Лозовиц и Дарьяна заглянула к ней первой. Бабка была приветлива с девушкой и угостила пирожком, но молока не дала. Корова в этом году

поздно отелилась и еще кормила теленка. Скрипя сердцем, а если глубоко задумывалась, то и зубами, Дарьяна пошла к дому Баяна.

Пройдя огородами с еще не убранными сухими листьями тыквы и ботвой от картошки, девушка прокралась через заднюю калитку и, стараясь не шуметь, пробралась на кухню. Оглядев безлюдную комнату, она прошмыгнула в кладовую. В углу стояла полная фляга свежего надоя.

Дарьяна налила половину бидона.

– На несколько дней котяткам хватит, еще и на кашу останется.

Она мышкой прошмыгнула через дом и потянула на себя скрипучую калитку, когда услышала знакомый голос. На руках выступил липкий пот, а свежий морозный воздух сделался спертым и горьким.

– А все я гадаю, кто там, словно вор через огороды крадется, – елеинным голосом тянул Митяй. – А это ты, Дарьянушка. Заслужить подарки не захотела, решила украсть?

Девушку передернуло от сказанного. Дня не прошло, как Баян уехал, а Митяй уже ходит важный, точно индюк на птичьем дворе. Она не подала виду, что слова ее задели.

– Чего молчишь, девка? Не нравится, когда с тобой по-хорошему? Так я могу и по плохому, – слова сочились, точно змеи меж камней из плотно сомкнутых челюстей.

Митяй был близко, и растерянная Дарьяна не знала: кричать ей или бежать. Убежать теперь она вряд ли успеет, а кричать было отчего-то совестно. Прибегут скотники, спросят: чего кричит? И что она им скажет? Молоко воровала, а хозяин поймал.

Растерянность девушки была парню на руку. Он не дал ей сделать правильный выбор и, с силой схватив тонкие запястья, притянул к себе.

– Знаю я вас таких, – цедил сквозь зубы парень. – Любите ломаться, парню голову морочить.

Вторую руку он положил Дарьяне на затылок и, до боли сжимая в объятиях, прильнул полными губами к испуганной девушке.

Отвратительная смесь из злости и полынной горечи разлилась по губам. Дарьяна завертелась в жестких объятиях, пытаясь увернуться и оттолкнуть настырного парня. Тот только крепче прижал к себе. Девушка замахнулась и со всей силы стукнула парня тяжелым бидоном по голове. Митяй отшатнулся, разжимая объятия. Он ошалело переводил взгляд с испуганного лица на бидон и обратно. Дарьяна бросила емкость на землю. Молоко разлилось, обрызгав ее платье и одежду Митяя, и впиталось в пыльную землю.

С застекленными пеленой слез глазами убегая в дремучий лес, она едва разбирала дорогу. Лишь бы подальше от деревни и от Митяя.

Парень, потирая ушибленную голову, удивленно смотрел ей вслед.

– Прежде с девками это срабатывало. Поломаются, строя из себя недотрогу, а после и рады в объятиях оказаться.

Не зная зачем, он поднял бидон, наполнил его доверху молоком и, оставив на тропе у чащи, медленно побрел домой. Уходя, он что-то неразборчиво бурчал себе под нос и виновато поглядывал на лес.

Тень густых елок укрыла Дарьяну. Сердце рвалось из груди, мешая дышать и мыслить. Опасаясь погоды, девушка кинулась не домой, а к реке, с двух сторон густо поросшей ивняком.

Наконец на берегу она смогла остановиться и, часто дыша, залезла на ставшую родной за долгие году иву. Дерево скрыло ее густой зеленой листвой и, трепеща на ветру, зашептало ласковую песнь.

Девушка, глотая соленые слезы страха и злости, затаилась. Первый поцелуй неприятно горел на губах. Дарьяна сорвала пару листков с ветки и, отплеываясь, вытерла ими рот. Шелестящая песнь ивы и журчание реки успокаивали бег сердца.

– Будь проклят этот Митяй! – в ярости шептала Дарьяна.

Девушке пришлось крепко зажмуриться и ущипнуть себя за руку, чтобы не поддаться злости и не наслать проклятие на его голову.

Снизу раздалось знакомое мяуканье. Царапка скребла толстую кору, прося девушку спуститься.

– Еще и котят без молока оставил! Ирод проклятый! – слезы с новой силой защипали глаза.

– Нечем мне накормить твоих детей, – вытерев соленый поток, осторожно спускаясь с дерева, жаловалась Дарьяна кошке. Слетать с макушки было привычнее.

Кошка не успокаивалась и, настойчиво мявкая, позвала хозяйку за собой.

– Иду я, иду. Не кричи, – отвечала кошке девушка – Может, у Проси хоть плошку взять получится? Главное, чтобы мачехи дома не было.

Дарьяна шла за животным по вытоптанной тропинке. По краям качался тысячелистник, желтые купавки тянули крохотные головки к солнцу, а шмели, не подозревая о несчастье девушки, шумно перелетали с одного цветка на другой. Кошка, нетерпеливо мельтеша черным в белую полоску хвостом, уверенно вела вперед.

Нехотя шли ноги к дому Проси. Стоит мачехи подруги узнать, что падчерица продукты раздаст, так саму без еды оставит. Семья жила не бедно, да только для неродной дочери всего было жалко: и платья нового, и мяса кусок пожирнее. Частые тумачи и упреки приносили девушке много горя. Дарьяна часто видела, как пробиралась бедняжка к реке, садилась на покатый берег и выговаривала Лагузке все печали и горести, прося быструю воду унести их.

Дарьяна думала, будь у Проси мать добрее, как сложилась бы ее жизнь? Ототри золу с лица, наряди в платье целее, да заставь лицо светиться от радости – так краше и не сыщешь! Да только не одна Дарьяна красоту подруги заметила. Мачеха тоже видела, а потому злилась, источая зловонный яд и каждодневно поливая им с ног до головы падчерицу. Рядила в обноски, не пригодные для себя и родных детей. Парни зазывали Просю на вечерки песни попеть да присказки послушать, но мачеха не пускала.

Родная мать Проси рано умерла от тяжелой болезни, и отец, оставшийся с маленькой дочкой, привел в свой дом новую хозяйку. Та девочку сразу невзлюбила. Непослушная ореховая копна волос, живые зеленые глаза – всем она напоминала ей мать. Отец передал воспитание дочери в женские руки и не смел перечить молодой жёнке. Но многочисленной работой Прося не отделилась. Со временем, вися на заборе с деревенскими сплетницами, мачеха стала сочинять бесстыдные небылицы. И девушка замкнулась еще сильнее. Пропал блеск в волосах, перестали искриться глаза.

Дарьяна не обращалась раньше к подруге за помощью, и сейчас совестно было идти со своей бедой. Да только другого выхода найти не могла. Подойдет ко двору, поглядит, дома ли мачеха? А там и видно будет.

В образе ведьмы Дарьяна передавала женщине указания. Та ведьму боялась и за помощью часто бегала, оттого ослушаться не смела. Поворчит на падчерицу, да сделает, как велено. Дарьяна и сплетницам на длинный язык указывала, подсыпая в настойки безвредный, но довольно неприятный жгучий порошок.

Кошка гордо вышагивала впереди, ведя за собой хозяйку. Но на опушке леса остановилась и принялась вылизывать мохнатые лапки.

– Чего села? Нам дальше, – подбоченилась Дарьяна. – Или гостей намываешь? Так нам не надобно.

В глаз угодил солнечный зайчик. Покрутившись по сторонам, девушка разглядела на самом краю тропы, спрятанный в высокой траве, сверкающий бок.

Серебристый бидон блестел, отражая свет солнечных лучей. Девушка откинула металлическую защелку. Бидон был полон молока до самых краев. Не веря своим глазам, она приню-

халась к напитку. Аромат свежескошенной травы и меда окутал девушку. Не разбираясь, чье оно и откуда взялось, она радостно схватила емкость и помчалась к голодным котяткам.

– Странно, конечно, сначала корзина, теперь вот молоко, – разговаривала то ли с кошкой, то ли сама с собой девушка.

Столько лет Дарьяна жила в своем маленьком, но безопасном мирке. С уходом бабушки порой становилось тоскливо, но дом, постоянно требующий ухода, работа, проходящая под тихое бурчание Матрены, и ведьминские заботы остались неизменными и занимали руки и голову. Подарок за подарком не радовали.

Порой размышляя о будущем, Дарьяна представляла, что всю жизнь проходит служанкой у Баяна, а ночью будет притворяться ведьмой. Другой жизни она не знала и знать не хотела. А может, и хотела, да просто боялась? Рассказы о жестокой и беспощадной смерти Сирин, таких же существ, как и она, ужасали девушку. Уж лучше она будет все время оглядываться, как делала это семнадцать лет, чем сгинет, как все остальные. Но стоило представить, что так пройдет вся жизнь, и тело сковывало от страха и тоски.

Но чего она точно боялась, так это своих желаний. Деревенские девушки ее возраста выходили замуж и рожали деток, но она не смела об этом мечтать. Жить вечно в страхе, сдерживать рвущееся наружу из груди тепло и всегда оглядываться по сторонам – никому не пожелаешь. Стоило подумать об этом, и в груди разрасталась огромная дыра. Не передаст она эту силу своим детям. Она Сирин, а потому проклята. Так говорили все. Именно так она себя чувствовала. Если ты все время одна, а всем вокруг приходится врать, и нет ни одной живой души, которая может тебя понять, разве это не проклятие?

Девушка злилась на несправедливый мир, на брехливые выдумки. Почему она должна прятаться? Она не сделала ничего плохого. Она даже не чувствовала в себе той великой силой, способной свернуть горы или уничтожить целую армию! И чувствовать не хотела, желая жить совершенно обычной и ничем не примечательной жизнью.

– Ее дар был чем-то неправильным, – убеждала себя девушка и прятала глубже. Лишь изредка, когда жжение в груди становилось нестерпимым, она оборачивалась птицей. Сила взывала, и хоть деревенски истории Дарьяна считала выдумкой, использовать дар страшилась. Вдруг магия, такая податливая и теплая, может поглотить ее без остатка и оказаться губительной? Но что пугало Дарьяну сильнее: сила росла вместе с ней. В последнее время все чаще приходилось к ней обращаться.

Девушка подогрела молоко на печи. Комнату наполнил аромат луговых трав. По краям блюда вился синий узор. Когда Дарьяне было пять лет, она соглашалась пить только из него. Бабушка наливала горячий травяной взвар и тихонько дула, чтобы напиток скорее остыл. Девочкой долгими зимними вечерами она слушала сказки, училась пряхь пряжу и попивала взвар из любимого блюда.

Самой желанной была сказка про Старый Трухлявый Пень. Отчего – Дарьяна и сама не знала.

“Жил был на опушке леса Старый Трухлявый Пень. И не было у него друзей. Никуда он не ходил, да корни к земле и приросли. Да так он привык к своему одиночеству, что всех вокруг распугал.

Пришла к нему как-то раз Мышка.

– Пень-пенек Трухлявый-бочок, пусти к себе жить, – запищала Мышка слабым голоском. – Я гостья тихая, маленькая. Не увидишь, не услышишь.”

Дарьяна больше всего любила, как менялся голос бабушки во время рассказа. На Мышке он становился тонким и писклявым, на пне – тихим и вкрадчивым.

“– А ты кто такая будешь? – заскрипел Старый Трухлявый Пень.

– Я Мышка Норушка.

– Не пущу. Ты мне корни погрызешь да нор наделаешь, – не пустил к себе Мышку Старый Трухлявый Пень.

Убежала Мышка, а Старый Трухлявый Пень снова начал думать:

– Отчего я один, отчего друзья не идут ко мне?

Прибежала к Старому Трухлявому Пню лягушка:

– Пень-пенек Трухлявый-бочок, пусти к себе жить. Я Лягушка Ква-кваушка, – заквакала лягушка. – Всю зиму сплю, а летом на болоте сижу.

– Не пущу! Ты мне мух нанесешь, да влагу разведешь, – не пустил к себе лягушку Старый Трухлявый Пень.

Ускакала лягушка, а Старый Трухлявый Пень снова задумался:

– Отчего я один, отчего друзья не идут ко мне?

День прошел, ночь прошла, вот уже и зима с летом пробежали, а пень все один стоит, да думу невеселую думает.

Пришла к нему рыжая Лисица.

– Пень-пенек Трухлявый-бочок, пусти к себе жить, – а у самой взгляд хитрый-прехитрый. – Ты Пень мудрый, точно сама Мать-природа, и крепкий, точно мороз. Летом буду поливать тебя, чтоб от жары не рассохся, а зимой греть.

– А ты кто такая будешь?

– Я Лисица Сестрица, – пропела лиса сладким тягучим голосом.

– Ну, проходи. Будем вместе жить, – пустил к себе лисицу Старый Трухлявый Пень, польстившись сладким речам да углядев красивый рыжий мех.

И стала Лиса жить под Старым Трухлявым Пнем. Лето хорошо жили. Диса из ближайших луж поливала Пень, а как зима настала, стала лиса под Пнем костер разводить, чтоб теплее ей было. Да печку строить не захотела. Загорелся пень, начал скрипеть да трещать на весь лес. А Лиса выскочила и была такова.

Услыхали шум Мышка Норушка и Лягушка Кваушка. Прибежали они на помощь: кто с ведром, кто с ковшом. И давай огонь тушить.

Потушили они Старый Трухлявый Пень, да сели отдыхать.

– Эх ты, Пень-пенек Трухлявый Бочок, – квакнула лягушка. – Кто на лесть позариться, без всего останется.”

Нет больше бабушки, и сказки ушли вместе с ней. Осталась лишь одна серая непроглядная реальность. Только солнечный свет да тепло внутри разгоняют ее, не дают добраться до раненого сердечка.

Котята быстро вылакали теплое молоко и, выпятив надувшиеся животики, мирно уснули.

– Красавцы мои, – нежно провела по мягкой шерстке девушка. – Как же мне хочется вашей безмятежности.

Едва перевалило за полдень. Солнца видно не было, но тонкие облака хорошо пропускали свет. Дарьяна взяла потемневшее от времени и сока ягод берестяное лукошко и пошла за лимонником к реке. Большие красные ягоды густо облепили тонкие ветки, и девушка быстро набрала полный кузовок. По дороге в избушку она заметила полянку груздей, схоронившихся под ворохом опавшей листвы. Девушка сняла линялый фартук и доверху наполнила грибами.

Довольная своими находками, Дарьяна вернулась в избу, перебрала тугие ягоды, замочила упругие грибы. Света стало не хватать и, запалив толстую жировую свечу, она вернулась к работе. День шел на убыль и, увлекшись делами, девушка не заметило, как наступили сумерки.

В окно громко, нетерпеливо застучали. Дарьяна от неожиданности поцарапала кожу и выронила острый нож. Тот с глухим стуком проскакал по половицам.

Стучал не местный. У ведьмы было заведено два коротких стука, а заглянувший, не жалея старое стекло, громко и долго барабанили. Девушка накинула старый бабушкин балахон и подошла к окну.

– Кто там явился ко мне? – благодаря силе она с легкостью меняла голоса. Ребенком Дарьяна часто подшучивала над бабушкой, то крикнув мужицким басом, то пропев весенним соловьем.

– Ты лесная ведьма? К тебе за помощью ходят?

Дарьяна кинулась от окна к двери, проверяя, надежно ли заперто. Засов плотно сидел на месте, и девушка облегченно выдохнула.

“Голос Митяя я теперь узнает из сотни, – мысли беспорядочно метались в девичьей головке. – При желании парень легко вынесет старую дверь. Успею ли добежать до лаза?”

Но вслух она сказала другое.

– Чего надо? – она придала голосу уверенности с помощью силы.

– Любовное зелье продаешь? – уже тише спросил Митяй. Сомнения, точно рой пчел, крутились вокруг него.

“Не меня ли опоить собрался?”

– Я ничего не продаю, – решительно ответила ведьма.

– Деревенские сказали, что помочь можешь, – не унимался Митяй.

“Это ж кто из деревенских длинным языком обзавелся, что о делах с ведьмой болтает?” – призадумалась Дарьяна.

– Помочь могу, да ничего не продаю, – язвительным голосом ответила девушка. Лучше держать лицо злой ведьмы, особенно перед таким наглым посетителем, хоть и трясет от страха. – И как же болезнь у тебя, что любовное зелье понадобилось?

– Не твое дело, старая, – грубо ответил парень.

“За помощью пришел и хамит! Вот человек!”

– Значит, и помогать не надобно, – коротко заключила девушка и отошла от окна.

– Да погоди ты, не кипятись, – уже мягче начал Митяй. – Любовь у меня случилась, а девка упрямится.

– А ты и замуж позвал, и сватов заслал? – цокнула языком Дарьяна, проклиная настыр-ного парня.

– Так ты поможешь? Или мне всем в деревне сказать, что это ты Баянову корову опоила, вот та и померла? – перешел от просьбы к угрозам Митяй.

“Как знакомо. Сначала требует, потом запугивает. Прочитать бы его, да бабушка б застыдила. Еще и корову эту дурную припомнил. А она между прочим сама убежала, пока пастух кваса напился да в тенечке кемарил. До амбара дошла, оставленные около зерновой ямы мешки нашла да объелась. Один корову упустил, другие дверь в амбар не подперли, а с работы пого-нят всех, оттого и не сознались. Деревенские давай судачить, что от зависти корова сдохла. А пастух еще приплетает, мол: ведьму видел, по полю шаталась, вокруг стада овивалась.

Да случилось мне ваше стадо! У меня что, других забот нет? То от живота порошок приго-товь, то от жара настойку поставь!”

– А не боишься, что проклятье на тебя нашлю? – зашла с той же монеты девушка. Уж чему, а выпроваживать дураков ее бабушка научила. Много разных захаживало: кому от ребе-ночка избавиться, кому соседа сгубить, чтоб не жил лучше ближнего.

– День и ночь под дверью стоять буду, коли нужное зелье не дашь!

Дарьяна скривилась, злясь на упрямого до одури парня.

– Жди! Сейчас свое зелье получишь!

“Не хочет с пустыми руками уходить, пусть с обманкой проваливает, – отыскала она на полке укрепляющий отвар. – А любовных зелий она никогда не делала. Плохое это дело – дру-гих к любви принуждать. Хоть конечно мачехи Прости и не помешало бы к падчерице проник-нуться.”

В образе ведьмы Дарьяна приоткрыла дверь на ширину склянки. Она просунула отвар в щель, одним глазом косясь на Митяя, а вторым на люк в подпол.

“Совсем старуха древняя, вон как рука трясется”, – не долго думая, Митяй ухватился за тонкую кисть. Девушка, чуть не выронив склянку, дернула на себя. Старая ткань затрещала, но руки парень не выпустил, лишь сильнее сжал, оставляя на нежной коже отметины.

– А если не сработает? – попытался сквозь щель рассмотреть под темным капюшоном лицо ведьмы, Митяй.

– Значит, не судьба ты ей! И зелья мои не помощники! – девушку сунула склянку Митяю и обдала руку парня жаром силы.

Парень зашипел и выпустил ведьму. Дверь с коротким скрипом захлопнулась. Митяй уставился на свою ладонь, ожидая увидеть волдыри и облезающую кожу. Такой силы был жар. Но рука лишь слегка покраснела. Он вытер ладонь о штаны и, плюнув ведьме под дверь, бесшумно ушел в сумрак леса.

Глава 3. Мать Сыра-земля и Государыня Вода

Дарьяна ухом припала к двери, силясь расслышать удаляющиеся шаги парня. Сердце, точно испуганная птица, готово было выпорхнуть из груди и умчаться подальше.

Девушка подперла дверь тяжелым сундуком и осела на пол. И сделав первый глубокий вдох, поняла, как сильно было напряжено тело.

Дрожь не спешила отступить, а Дарьяна подниматься. Вместо этого она легла на теплые доски и, впитывая тепло и спокойствие векового дуба, раскинула руки. Казалось, прошло всего пару мгновений, когда в окно снова раздался стук.

Дарьяна подскочила, как ужаленная, решив, что вернулся Митяя. Но уже остановившись у подпола, поняла, что стук был коротким. Так стучались наученные.

– Кто там? – второй раз за ночь проскрипела девушка, поглубже зарываясь в старый балахон. Точно ее могут увидеть.

– Здравити. Это я. Прося, – ответил нежный голосок.

Дарьяна выглянула в мутное окно, рассматривая, как одета на этот раз подруга. Ношенные, но довольно теплые башмаки согревали девушки ноги. А облезлый платок заменила длинная штопаная фуфайка. Дарьяна удовлетворенно кивнула и вернулась к двери.

– Чего надобно, Прося? – голос ведьмы стал мягче.

Выходить из образа ведьмы ей было нельзя даже перед лучшей и единственной подругой, но и пугать и без того запуганную девушку не хотелось.

Они сдружились много лет назад, повстречавшись единожды детьми на земляничной полянке. С тех пор поверяли все свои детские секреты: где растет самая крупная земляника и снесла яйца кукушка. Они, подглядывая из-за кустов, долго могли смеяться над пьяным дровосеком, ругающимся на качающиеся палена. Повзрослев, их разговоры наполнились нарядами, парнями и песнями, но никогда они не говорили о своих несчастьях. Все понимая и желая скрасить пустяковыми разговорами трудную жизнь друг друга.

– Завтра Святодень, сударыня знахарка. Я хотела вас поблагодарить. Братик полностью здоров. Спасибо, – девушка положила небольшой сверток на крыльцо и, не дожидаясь ответа, побежала в деревню, пока ее не сцапали в объятия огромные еловые лапы.

Дарьяна вспомнила, как еще девчонкой Прося боялась леса, а она считала его безопаснее всего на свете.

Темная ночь проглотила силуэт подруги, смешав с ветками елок и зарослями боярышника.

Дарьяна приложила ладонь к земле. Та отозвалась с промедлением. Точно уже дремлет.

– Время бежит вперед быстрее реки Лагузки. Вот и Святодень настал. Пора, когда засыпает Мать Сыра-земля и Государыня Вода. Бабушка всегда их уважала и приносила в благодарность по плошке молока. Она говорила, что в этот день Владычица судьба выходит к мертвым и вплетает новые нити будущей жизни, – рассказывала девушка Царапке.

Каждый год, не желая пропускать шумное гулянье, Дарьяна убегала на праздник в деревню.

Девушка подняла замотанный пожелтевшей тряпицей сверток. Медовые соты, кусок сыра и три спелых яблока были с благодарностью приняты. Мачеха Проси поспешила бы на такие подношение. На глазах выступили слезы. Видно, собирая кулек, сама подруга не доедала.

Больше за ночь никто не пришел к старой ведьме. Девушка, выпив настой лимонной мяты от терзающих голову дум, мирно проспала на печи до утра.

Бабье лето пришло в этот год поздней осенью, в День проводов земли и воды, отчего утро было ясным и теплым. Пауки летали от одного дерева к другому, развешивая тонкое кружево.

– Крепка будет зима, – всматривалась в чистое голубое небо без единого облачка Дарьяна.

Время было раннее, но до гулянья нужно было многое успеть. Наскоро, запарив кашу теплым молоком и запив любимым облепиховым взваром, Дарьяна покормила котят и отправилась наводить порядки в маленьком огороде.

Год выдался урожайным, и полки погреба ломились от бочек с хрустящими огурцами и плотными помидорами. Дарьяна сгребла в кучу сухую ботву и, зарыв пару картошин, подпалила. Пока верхки тлели, готовя нехитрый, но сытный обед, она взрыхлила землю и высадила крепкие головки чеснока.

Девушка удовлетворенно огляделась по сторонам. Огород был чисто убран и готов к предстоящей зиме. Лишь по весне нужно будет укрепить забор из плитняка, чтобы зайцы не повадились за капустой.

Девушка разбавила молоко теплой водой и вылила на землю, благодаря за щедрые дары уходящего года Мать Сыру-землю.

– За хлеба в печи румяные,
За травы в лесах пряные,
За стада травой сытые,
За поля, дождем умытые.

Сухая потрескавшаяся почва, откликаясь белым облачком пара на нехитрый заговор девушки, с жадностью впитала влагу.

Дарьяна отряхнула пыльный подол рабочего платья, наскоро перекусила спёкшемися картофелинами и принялась наряжаться к празднику. Даже возможная встреча с Митяем ее не пугала.

Заплетя волосы венцом на голове, она отыскала в сундуке свое единственное нарядное платье: беленый лен, собственноручно вышитый красным цветочным узором. Алый пояс в тон узору удобно устроился на тонкой талии. Теперь она девушка на выданье, другой ей носить не положено. Отныне ее будут считать невестой, и если она примет предложения одного из парней, прозовут вестой.

Совсем еще юные девчушки обряжались в некрашенные пояса. При мужьях подпоясывались ореховыми, увешанными пестрой бахромой, затейливыми побрякушками и медными бляшками. Считали: чем тяжелее и необычнее пояс женки, тем счастливее ее жизнь.

На голову взгромоздился пышный венок из колосьев пшеницы, засушенных трав и прошлогодних гроздьев рябины. Девушка, любуясь своему отражению, удовлетворенно покрутилась перед бочкой дождевой воды.

На большой поляне шло шумное гулянье. Стрекочущие трещотки, мелодичные гусли, громкий баян и гул людей смешались в один веселый голос. Дарьяна в последнее мгновение успела схватить длинную желтую ленту, змейкой вьющуюся вокруг высокого столба. Голоса стихли. Все обратились в центр поляны. Начинался ежегодный обряд.

В толпе девушек Дарьяна нашла Просю. На ней было штопаное, но довольно милое платье, расшитое синими незабудками. Подруга приветливо помахала рукой. Грянула тягучая, сладкая, точно ложка липового меда, мелодия.

Хоровод из незамужних девушек, разматывая цветные ленты, густо покрывающие столб, пошел медленно. Песня ускорила, и вот уже невесты бегут в шаг от столба, плотно намотав ленты на бревно. И снова тягучая мелодия. Хоровод пошел в обратную сторону, пестря длин-

ными разноцветными полосками. Ветер пытался вырвать ленточки из рук, но девушки крепко их удерживали, не позволяя своей счастливой судьбе упорхнуть.

Девушки начали кружиться стайками, запутывая цветную полоску судьбы вокруг столба. В полночь Владычица судьба расплетет все до единой, сделав будущий год гладким и легким, точно сама ткань. Старый Баян каждый праздник расщедрился на настоящий шелк.

Прося подбежала к Дарьяне, схватила подругу за руки и, подпевая инструментам, закужила.

Все до одной ленты были запутаны. Запыхавшиеся, раскрасневшиеся девушки замерли. Обряд был окончен. С разных краев поляны несмело потянулись парни, держа в руках по наполненной до краев кружке.

Невесты пробовали обрядовый напиток и, коли нравился им подноситель, допивали до дна, требуя добавки. Народ довольно ухмылялся, видя новоиспеченных жениха и весту.

– Дарьяна, – позвал девушку знакомый голос из-за спины.

Девушка вздрогнула, но обернулась, надеясь, что ей все же послышалась.

Враз она вытянулась, точно струна на гуслях. Митяй стоял с протянутой кружкой.

Дрожащими руками Дарьяна приняла предложенный напиток и, не отводя глаз, сделала маленький глоток. Укрепляющий отвар отдавал полынью и ягодами черемухи.

“Для меня все таки зелье брал.”

Стоит ей допить горьковатое варево, и Митяю не отвертеться, придется на ней жениться. В Святодень все союзы священны. Перед Владычицей Судьбой засвидетельствованы. Стоит обещание нарушить – вся деревня засмеет. Такая слава сыну старого Баяна была бы, что кость поперек горла. Не посмотрят деревенские на богатство отца, стада бросят, огороды запустят. Тот, кто слово нарушил, доверия не заслуживал.

Дарьяна несмело отняла полную кружку от рта и протянула парню.

Не зная, как скоро должно подействовать любовное зелье, Митяй не сводил с нее глаз и не спешил забирать варево. Девушке пришлось силой впихнуть ему напиток в руки, случайно расплескав на руки и рубаху парня.

Дарьяне захотелось стать меньше и незаметнее под гневным взглядом гранитных глаз. В поисках помощи она огляделась по сторонам. Неуверенно к ней шли два парня с кружками в руках. В них она узнала работающего с прошлого лета пастухом Павла и лесоруба Витко. Стоило Митяю на них посмотреть, как от женихов след простыл.

– Не хочешь еще? – протянул кружку Митяй.

– Нет, – ответила срывающимся голосом Дарьяна, пятась назад.

Парень со всей злости саданул посудой о землю. Кружка раскололась, брызги полетели на платья стоящих невдалеке невест. Те осуждающе оглянулись на парочку, но, увидев взгляд Митяя, поспешно отвернулись.

– Чего тебе еще надо, безродная? – сквозь зубы процедил парень. – Век в девках ходить будешь, а мужа лучше не сыщешь!

“Что век мне в девках ходить и без тебя знаю,” – не обратила внимания на горькие слова парня Дарьяна. Мало она, что ли, за свою жизнь их слышала?

Вот и сейчас несколько девиц осуждающе шептались.

– Ни рожи, ни кожи, а такому жениху отказала.

– Чего о себе возомнила, гусыня?

– А взгляд смотри, как у ведьмы. Такая без слов сглазить может.

Дарьяна зыркнула на сплетниц, и те, опустив глаза в пол и сжав в карманах дули, испуганно притихли.

“Нужен вам был такой жених? Сначала купить пытается, затем запугивает, а после в мужья зазывает. Во взгляде ни любви, ни нежности. Одни только похоть и жадность, что плещет через край. Только черную душонку в глазах разглядеть можно.”

Дарьяна не стала отвечать Митяю. Она оставила парня и пошла искать подругу.

Вокруг Проси собралась толпа народа. Все шумно поздравляли подругу. К ней посва-
тался тихий светловолосый пахарь.

– Счастья молодым! – задорно кричал отец пахаря. – На будущий год свадьбу сыграем,
и заживете!

Веста смущенно опускала глаза в пол. Может не могла поверить в такое счастье? А может
от нахлынувшего внимания.

– Это мы еще посмотрим, – так, чтобы ее услышала одна только Прося, процедила сквозь
зубы мачеха и, плюнув под ноги, ушла к стайке щебечущих сплетниц.

“Как бы чего не натворила,” – Дарьяна, благодаря птичьему слуху, тоже расслышала ее
слова. Тревога недобрый предчувствием разлилась в груди, точно забот о Митяе ей было мало.

Музыка снова заиграла, и новоиспеченные пары, а вместе с ними и весь народ, приня-
лись танцевать. Ребятишки похватили деревянные ложки и в такт мелодии звонко застучали.
Дарьяна, отбросив все тревоги на потом, схватила растерянную подругу и закружила по поляне.
О косых взгляда, устремленных на нее, она и вовсе думать не станет.

Деревянные столы, накрытые к празднику, благоухали румяными пирогами, запечен-
ными гусями с блестящей корочкой, всевозможными вареньями и соленьями. Пенящийся квас
лился рекой.

Девчушки помладше принесли с собой кукол-желанниц и обряжали их в цветные лос-
кутки. Они пели им колыбельные и шептали на ушко сокровенные тайны. Такую куклу следо-
вала оберегать до замужества, дарить цветными бусинами и лентами.

У Дарьяны не было куклы. Все ее желания были слишком не сбыточны для игрушки.

Солнце начало клониться к закату. Народ поредел. Попрощавшись с подругой, Дарьяна
тоже поспешила домой. День, несмотря на перепалку с Митяем, выдался шумным и красоч-
ным, и на душе у девушки было весело и легко. Она побежала на реку попрощаться с Госуда-
рыней Водой, пока последний луч солнца не скрылся за горизонтом.

Не обращая внимания на северный ветер, Дарьяна скинула сарафан на землю и вошла
в холодную воду.

– Птичьи перья быстро согреют, можно и потерпеть, – решила девушка. – Все таки
последнее купание в этом году. Спасибо за все, Государыня Вода.

За теченья быстроходные,

За реки полноводные,

За беды отведенные,

За болезни унесенные.

Дарьяна низко поклонилась реке и опустила под воду с головой. А вынырнула широ-
кокрылой птицей. Недолго покружив, она стряхнула блестящие капли и коснулась травы уже
босыми ногами в образе девицы.

В кустах громко затрещало. Вздогнув всем телом, Дарьяна обернулась на шум.

Прятавшийся в лесной тени парень не стал таиться и вышел под лучи заходящего солнца.
Сильный гнев, а может закатный свет сыграл злую шутку, но его глаза отдавали красным, точно
само пламя.

Забыв о своей нагоде, Дарьяна застыла на месте, боясь вздохнуть. Как много он видел?

– Ты... ты... – парень с ненавистью глядел на желанную весту, не находя подходящих
слов. – Ты проклятая тварь.

Слова, словно хлыст, стегнули девушку. Она попятилась назад к реке и неверяще замо-
тала головой. Она не отрицала, скорее не могла поверить в происходящее.

– Я все видел, – развеял горстку последней надежды Митяй. – Ты Сирин! Проклятая
птица. Такие, как ты, приносят лишь беду! – слова были пропитаны ненавистью, горечью и
разочарованием.

Дрожь побежала по всему телу, сотрясая хрупкие плечи. Дарьяна натянула праздничное платье, не различая, где зад, где перед. Но трясти меньше не стало.

– Ты меня приворожила! – в глазах Митяя загорелся восторг, точно он нашел решение давно мучившей его загадки. – Поэтому я в тебя влюбился!

– Нет, – голос девушки сорвался на хрип. – Я ничего не делала! Клянусь!

Дарьяне пятилась к реке, но лес, казалось, подступал лишь ближе, тени становятся больше. Небо заволокли тяжелые тучи, забирая весь свет.

“Бабушка говорила: стоит ей только пожелать, и человек выполнит ее волю. Простой песни будет достаточно. Но только стоит правильно подобрать слова, иначе это окажется последними, что несчастный услышит.”

– Клятвы такой, как ты, ничего не значат!

– Ты всем расскажешь? – старалась выровнять голос девушка.

Митяй задумался. Задумалась и Дарьяна.

“Он не смолчит. Скоро о ней узнает вся деревня. Лица знакомых с детства людей искажутся от презрения и злости. А что будет потом?”

– Убирайся, – решение парню давалось нелегко, он с трудом размыкал губы. – Убирайся и никогда не возвращайся!

Последний луч солнца упал на лицо Митяя. Дарьяна разглядела в его глазах скопившиеся слезы. В этот момент она четко поняла, что даже ради спасения своей жизни никогда не сможет рискнуть чужой.

– Стоит мне еще раз тебя увидеть, я расскажу всем или собственноручно убью, проклятая тварь.

Дарьяна кивнула, не в силах вымолвить и слова. Плечи поникли, колени предательски задрожали, не желая принимать жестокую реальность.

Парень сжал кулаки и, резко крутанувшись на пятках, ушел в сторону деревни. Дарьяна смотрела ему вслед, пока фигура не затерялась в лесу, а поняв, что он не вернется, осела на землю и зарыдала. Горькие слезы ручьем полились по белой коже.

Дарьяна ругала себя за невнимательность.

– Как можно было выпускать силу здесь, открытом со всех сторон месте? Почему она не убежала в спрятанную от посторонних глаз заводь? Что теперь делать? Куда бежать?

Когда все слезы были выплаканы, девушка обтерла лицо белым рукавом, поднялась с остывшей земли и пошла к избушке.

– Мать Сыра-земля и Государыня Вода ушли с последним лучом солнца, настала и моя пора прощаться.

Уходить с насиженного места было трудно. На грани невозможного. Дарьяна, словно во сне, ходила по домику, перечисляя предстоящие дела по порядку.

– Найти котятм новый дом, собрать кузовок, – разговаривала сама с собой девушка, облакая побег в рутину. Так ее мир рушился не так стремительно. Так она понимала, что делать дальше.

Сменив легкий сарафан на шерстяной, Дарьяна уложила кошку с котятми в корзину и пошла в Лозовицы.

Не может она оставить котят, приученных к теплу и молоку, одних в студенной избе на всю зиму. Девушка надеялась, что Митяй хоть на время придержит ее тайну, давая время на сборы.

Пробравшись темными огородами к третьему с окраины дому, она несмело постучала в зашторенное окошко.

– Кто там еще пришел? – недовольно забухтела Матрена. – Нет у меня кваса! И настойки тоже нет!

Женщина, отодвинув в зеленый горох шторку, выглянула в окно. Разглядев девчонку, она поспешно отворила.

– Проходи. Чего встала? – завидев тяжелую ношу в руках, впустила в дом непутевую девку Матрена.

“Лазает посреде ночи. Путные давно дома спят.”

– Теть Матрена, мне некому их больше нести. Пропадут ведь, – откидывая покрывало, шмыгнула носом Дарьяна.

– Чего удумала, девка? – обеспокоенно покосилась на нее женщина.

– Переезжаем мы с батюшкой, кошку брать не велел. А как я Царапку с котятками брошу? Зима впереди. Померзнут, – умоляюще смотрела на Матрену девушка, понимая, что тетка – ее единственная надежда. Не было между ними прежде мира да понимания, одни лишь упреки да одергивания, но котят к Проси точно не понесешь.

– А ревела чего? – разглядывала распухшее от слез лицо женщина. – Не Митяй случаем обидел?

– Нет, что вы. Это я так. Котят жалко, – соврала, не моргнув глазом, Дарьяна.

Матрена силилась понять, отчего девушка бежит, почему дом и работу оставляет? Но спросить напрямую не решалась.

“Девка взрослая, поди, сама разберется, а я вон своими учениями вечно все хуже делаю. Сплошная ругань у нас. Чего у нее могло случиться? Любимый другой напиток поднес? Недельку помотается, а там и обратно придет.”

– Оставляй. Присмотрю за твоим выводком, – согласилась женщина. – Сборы когда?

– На рассвете.

“Ну хоть не на ночь глядя. До утра одумается.”

– Вы Баяну спасибо передайте. За еду и одежду.

Матрена утвердительно кивнула и поспешно отвернулась, чтобы девушка не заметила навернувшиеся на глаза слезы.

“Привязалась к негоднице. Веселая, работающая. Хвостом не крутит, за зря не перечит. А что она Дарьянку все время попрекает, так-то ж любя. Малость воспитывает. Мамки то нет. А утречком она к ней еще сходит, глядишь, да отговорит.”

– погоди, не убегай, – скрылась в соседней комнате Матрена.

Женщина вернулась со свертком еще теплых пирожков.

– Иди, пока отец не хватился, – выпроводила девушку кухарка.

Знала она, что никакого отца нет, слезы свои показывать не хотела.

– За котят них не переживай. Сберегу.

Со двора Дарьяна крикнула слова благодарности, не зная, услышала их женщина или нет, и побежала в лес.

Глава 4

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.